

липлики, исполненные то грознаго пророческаго негодования против ничтожности и мелочности положительной жизни, валяющейся въ грязи эгоистическихъ расчетовъ, — то молніеносныхъ образовъ надзвѣздной страны идеала, гдѣ живутъ высокія чувствованія, свѣтлыя мысли, благородныя стремленія, доблестные помыслы. Ихъ цѣль — пробудить въ спящей душѣ отвращеніе къ мертвой дѣйствительности, къ пошлой прозѣ жизни и святую тоску по той высокой дѣйствительности, идеалъ которой заключается въ смѣломъ, исполненномъ жизни сознаніи человѣческаго достоинства. Но кромѣ того важное преимущество этихъ пьесъ составляетъ ихъ близкое, живое соотношеніе къ обществу. Съ этой стороны онѣ — не выдумки, не игрушки праздной фантазіи, не риторическія и олицетворенія отвлеченныхъ мыслей, общихъ добродѣтелей и пороковъ, но уроки высокой мудрости, тѣмъ болѣе плодотворные, что ихъ корни скрываются глубоко въ почвѣ русской дѣйствительности. Прочтите «Бригадира»: это исторія многихъ тысячъ нашихъ бригадировъ, — исторія къ несчастью всегда одинаковая. Безпокойный и страстный юморъ составляетъ также одно изъ неотъемлемыхъ достоинствъ этихъ пьесъ и придаетъ имъ характеръ положительности, безъ котораго онѣ казались бы слишкомъ фантастическими, а потому и недостаточно дѣльными. Но какъ фантастическое лежитъ въ этихъ пьесахъ на существенномъ основаніи, то оно придаетъ имъ только еще болѣе сильный и увлекательный характеръ, поражая мысль черезъ посредство фантастическихъ образовъ, сверкающихъ яркими и причудливыми красками поэзіи. Для доказательства этого достаточно указать на то мѣсто изъ «Бала», гдѣ сѣдой капельмейстеръ хвалится своимъ умѣньемъ оживлять балъ искуснымъ подборомъ музыкальныхъ пьесъ... Еще богаче и внутреннимъ содержаніемъ, и стремительнымъ пафосомъ, и фантастически-поэтическими образами пьеса — «На смѣшка Мертвеца». По нашему мнѣнію, это едва ли не лучшее произведеніе князя Одоевскаго и въ то же время одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы, тѣмъ болѣе, что оно въ ней единственное въ своемъ родѣ. Мысль автора... но пусть эта мысль скажется сама, во всей прелесть и во всей силѣ ея поэтическаго выраженія. Красавица, ѣдущая на балъ со своимъ мужемъ, встрѣтила на дорогѣ гробъ и смутилась при взглядѣ на мертваго молодого человѣка, лежавшаго въ гробу.

«Красавица нѣкогда видала этого человѣка. Видала! она знала его, знала всѣ изгибы души его, понимала каждое трепетаніе его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую нева-

жнѣнную черту на лицѣ его; она знала, понимала все это, но на ту пору одно изъ тѣхъ людскихъ мнѣній, которыя люди называютъ вѣчнымъ, необходимымъ основаніемъ семейственнаго счастья, и которому приносятъ въ жертву и геній, и добродѣтель, и состраданіе, и здравый смыслъ, все это на нѣсколько мѣсяцевъ, — одно изъ такихъ мнѣній поставило непреодолимую преграду между красавицей и молодымъ человѣкомъ. И красавица покорилась. Покорилась не чувству! — нѣтъ, она затоптала святую искру, которая, было, загорѣлась въ душѣ ея, и, падши, поклонилась тому демону, который раздаетъ счастье и славу міра, и демону похвалилъ ея повинновеніе, далъ ей „хорошую“ партію и назвалъ ея расчетливостью добродѣтелью, ея подобострастіе — благоразуміемъ, ея оптический обманъ — влеченіемъ сердца, и красавица едва не гордилась его похвалой.

Но въ любви юноши соединялось все святое и прекрасное человѣка, ея роскошнымъ огнемъ жила жизнь его, какъ блестящій благоухающій алоэсъ подъ опаломъ солнца, юношѣ были родными тѣ минуты, когда надъ мыслью проходить дыханіе бурно, — тѣ минуты, въ которыя живутъ вѣка, когда ангелы присутствуютъ таинству души человѣческой, и таинственные зародыши будущихъ поколѣній со страхомъ внимаютъ рѣшенію судьбы своей.

Да! много будущаго было въ этой мысли, въ этомъ чувствѣ. Но имъ ли оковать лѣнное сердце свѣтской красавицы, непрерывно охлаждаемое расчетами приличій? Имъ ли плѣнить умъ, безпрестанно сводимый съ толку тѣми суждѣніями общаго мнѣнія, которые постигли искусство судить о другихъ по себѣ, о чувствѣ по расчету, о мысли по тому, что имъ случилось видѣть на свѣтѣ, о поэзіи по чистой прибыли, о вѣрѣ по политикѣ, о будущемъ по прошедшему?

И все это презрѣно: и безкорыстная любовь юноши, и силы, которыя она оживляла... Красавица назвала страсть юноши порывомъ воображенія, его мучительное терзаніе — преходящей болѣзнью ума, мольбу его взоромъ — модной поэтической причудой. Все было презрѣно, все было забыто. Красавица провела его чрезъ всѣ мытарства оскорбленной любви, оскорбленной надежды, оскорбленной самолюбія...

Что я рассказывалъ долгими рѣчами, то въ одно мгновеніе пролетѣло чрезъ сердце красавицы при видѣ мертваго: ужасной показалась ей смерть юноши, — не смерть тѣла, нѣтъ! черты искаженнаго лица рассказывали страшную повѣсть о другой смерти. Кто знаетъ, что стало съ юношей, когда, сжатая холодомъ страданія, порвались струны на гармоническомъ орудіи души его; когда изнемогъ онъ, замученный недоговоренной жизнью, когда истощилась душа на тщетное бorenіе и, униженная, но неубѣжденная, съ хохотомъ отвергла даже сомнѣніе — послѣднюю святую искру души умирившей. Можетъ быть, она вызвала изъ ада всѣ изобрѣтенія разврата; можетъ быть, постигла сладость коварства, нѣгу мщенія, выгоды явно безстыдной подлости; можетъ быть, сильный юноша, распаливши сердце свое молитвой, проклялъ все доброе жизни! Можетъ быть, вся та дѣятельность, которая была предназначена на святой подвижъ жизни, углубилась въ науку порока, исчерпала ея мудрость съ тою же силой, съ которой она нѣкогда исчерпала на науку добра; можетъ быть, та дѣятельность, которая должна была помирить раскаяніе съ смиреніемъ вѣры, слила горькое, удушающее раскаяніе съ самой минутой преступленія...